

— И давно вас головные боли беспокоят?
Нейрохирург Борис Глебович Головин вел обычный прием
обычного больного в нейрохирургическом отделении клиники,
куда он устроился на работу сразу после окончания института и почти доработал
до пенсии.

— С четырнадцати лет, — быстро, почти скороговоркой, словно бы заранее зная, о чем его спросят, ответил на вопрос нейрохирурга Глеб Николаевич Бесонов — обычный больной. А кто пришел на прием к врачу — тот уж больной, несмотря на то что здоров.

Глеб Николаевич проходил обследование в клинике, и доктору было ясно: нужна операция — трепанация черепа. Но сказать больному об этом на первом же приеме было не в правилах Бориса Глебовича. Он считал, что больного надо к этому подготовить постепенно, не спеша.

— Какая точность! Что же произошло с вами в четырнадцать лет: травма, нервное потрясение? Что?..

— Мы с родителями переехали с одного места жительства на другое.

— И что? У вас сразу голова разболелась? — устало улыбнулся Борис Глебович. Он редко улыбался и почти не шутил. — Вы расскажите поподробнее.

Уже не так уверенно Глеб Николаевич начал рассказ о своей болезни:

— До четырнадцати лет я с родителями жил в старом русском селе. А там все люди вокруг как добрые родственники. Жизнь была у меня беззаботная и радостная. Природа удивительная в тех местах: рядом речка, три пруда в селе, леса кругом, недалеко от села два озера. Нет, три — одно совсем маленькое. В двух озерах караси водились: в одном озере светлые, в другом... тоже светлые, но с черной спинкой.

— А в третьем озере рыба была? — с интересом спросил Борис Глебович. Его почему-то не удивляло, что больной таким вот образом рассказывает о своей болезни.

— Наверное, не было. Там никто не рыбачил — не подступишься с удочкой. Все озеро заросло камышами, кувшинками, лилиями; со всех сторон ветлы огромные, кусты. В селе говорили, что в этом озере нечистая сила водится. Мы с мальчишками летом несколько ночей около озера этого провели — все нечистую силу хотели увидеть или хоть почувствовать ее как-нибудь.

— Ну и как? — уже откровенно поинтересовался Борис Глебович.

— Да никак!

— Что, совсем ничего не заметили?

— Нет! Ничего особенного. Правда, большая черная птица летала над водой все время. Бесшумно летала. Как бестелесная.

— Может, это и была нечистая сила?

— А может! — удивился Глеб Николаевич и подумал, что же они с ребятами тогда сразу не догадались? Но ведь они считали, что нечистая сила — это либо леший, либо черт какой-нибудь, или русалка, в конце концов. Но чтобы птица!..

И промелькнул в голове Глеба Николаевича один давний эпизод из его жизни. Перед самым отъездом из села случилось ему зайти в лес — он приехал туда с отцом за грибами. Этот лес находился далеко от села и слыл между жителями соседних деревень местом загадочным и страшным — это место называли «тот свет». В тех местах летом сенокосили, по грибы ходили, а осенью орехи собирали.

Зашел Глеб от жары спрятаться, воздухом лесным подышать. Дело было в конце лета. Лес еще зеленый стоял, но не было уже у деревьев такой свежести, как весной или в начале лета. Сухость какая-то в лесу, листья еще не начали падать, но поредели, съжились, лучи солнца проникали между ними и бродили желтыми пятнами по уже упавшим листьям и по зеленой сочной траве. Тихо было в лесу. И никого вокруг — даже мошкары и той не было.

Вдруг откуда-то издалека, из глубины леса, шум пошел. Глеб насторожился, а потом успокоился — это летела птица. А шум — это рассекаемый крыльями птицы густой лесной воздух. Лес был старый, буреломный, деревья стояли нечасто, многие от старости уже упали, другие еще крепко стояли, зеленая ветвями высоко в небе.

Птица летела низко от земли, и была она большой и черной. Она летела уверенно в просвет между деревьями: наверное, это был ее привычный маршрут.

И летела птица почти на Глеба. И когда, пролетая, поравнялась с ним, повернула в его сторону голову и посмотрела прямо ему в глаза. Несколько секунд смотрела, а казалось — долго-долго. До сих пор он не может забыть этот взгляд. Темные, мутные глаза, без зрачка, как темная бездонная яма. Птица смотрела прямо в глаза Глебу, и во взгляде ее было и безразличие, и небоязнь, и высокомерие. «Почему же высокомерие?» — не раз потом думал Глеб Николаевич.

А потому! Птица эта — ворон. А живут они, по слухам, долго. Справочники говорят, что в неволе вороны доживают до восьмидесяти лет. А на воле? Неизвестно, что было в мыслях у ворона, но смотрел он на человека в лесу, как на временщика на этом свете и как на гостя на его территории. И взгляд черный, мутный — вот она нечистая сила!

Чистая сила — это сила добра, разума, справедливости. А нечистая сила — это дикая сила природы, независимости, полной свободы, борьбы за жизнь с попранием чужих свобод и глумлением над слабым и беззащитным... Все эти рассуждения промелькнули в голове Глеба Николаевича. Быстро промелькнули. Недаром говорят: нет ничего в мире быстрее мысли.

— Да, вот так живешь и не догадываешься, где она — нечистая сила. А может, ее и нет? Это так — наша выдумка, чтобы свое бессилие и неприспособленность к жизни оправдать, — сказал Борис Глебович.

— Хорошо было в нашей деревне, — продолжал после небольшой паузы «историю болезни» Глеб Николаевич, отодвинув историю с черной птицей в темный закоулок памяти, — на реке было три пруда — прямо к огородам вода подходила, и водяная мельница на одном пруду была — в ту пору еще работала.

— В общем, полный рай на земле в течение четырнадцати лет вашей жизни в родном селе!

— А вы не смейтесь! Это как отдельная, только для меня данная, счастливая жизнь была. А потом все не то было. Потом начались другие жизни: одна несчастная, другая безалаберная, третья... Я сейчас вспоминаю только детство свое,

а потом вроде и не жил. Как в райцентр переехали с родителями, лег на диван и три года пролежал на нем до поступления в институт. Никуда не ходил из дома: ни в кино, ни в библиотеку, ни на школьные вечера. Иногда, правда, на весь день уходил подальше в поля, в леса... Речка там тоже небольшая была...

— И голова стала болеть? — попытался вернуть больного в тему Борис Глебович.

— Да. Болела сильно.

В дверь без стука вошла немолодая женщина с ведром и шваброй.

— Борис Глебыч, вы долго еще? — по-простецки спросила она.

Нейрохирург был из той категории российских интеллигентов-тружеников, которые карьеру не делают, но на которых в любой организации держится все. Через месяц ему на пенсию, а он и не кандидат наук, и не заведующий отделением, однако сложные операции доверяют только ему, вернее, он сам за них берется, не доверяя никому. Так уж сложилось в отделении, где он работал.

Борис Глебович мог бы сказать уборщице Оксана: погоди, мол, Оксана, сейчас разговор закончим, и помоешь ты полы. Но он был человеком интеллигентным и деликатным, он не мог красть чужое время.

— Да, да, Оксана, мы уже уходим.

— А ваши снимки — томографию головного мозга — я завтра еще посмотрю. Вы завтра и приходите, часикам к двум, — это уже он Глебу Николаевичу.

И разошлись по домам Борис Глебович и Глеб Николаевич.

Кончался день. Солнечный апрельский день. Снег еще не весь сошел, на улицах сыро и мокро, мимо мчались грязные машины. И все же — весна!

Глеб Николаевич перед сном полчаса простоял на балконе — его больная голова нуждалась в кислороде. Потом принял снотворное и обезболивающее. Скоро уснул. И приснилась ему родная деревня, когда еще были на реке три пруда и водяная мельница стояла и работала. Мельник сутился, бегал около жерновов, белый как снеговик. Большие каменные жернова с грохотом и шумом терлись друг о друга, и мельница ходуном ходила на высоких и крепких дубовых сваях. И слышно было, как внизу скребется о вал, крутится и шумит водой огромное деревянное водяное колесо — его целый месяц делал дед Глеба Николаевича колхозный плотник Гаврил Иванович.

А вот Борис Глебович долго заснуть не мог. Жена его в одной комнате жила, он — в другой. Не то чтобы они ссорились, нет! Но как дети стали жить самостоятельно, ушли из дома — вроде и говорить стало не о чем.

Жена была на пенсии и подолгу, иногда до утра, смотрела телевизор. А он ложился спать в другой комнате — на диване. И почти всегда хорошо засыпал. А сегодня вот не получилось. Сегодня вроде бы телевизор, что жена смотрела, мешал. И сказать ей об этом неудобно — всегда-то засыпал, и громкость небольшая.

А не спал Борис Глебович оттого, что мысли не ко сну в голову полезли — позавидовал он Глебу Николаевичу. Надо же — четырнадцать лет счастливой жизни! Да он за эти четырнадцать лет счастливой жизни полжизни бы своей отдал или даже больше. Что он, Борис Глебович, видел за свою жизнь?

Детства у него, можно сказать, не было. Ясли, детский сад, школа. В семь лет его отдали сразу в три школы: общеобразовательную, музыкальную и спортивную (фехтование). Свободного времени не было — даже книг не начитался. К окончанию школы, помимо основных, научных, знаний, Борис Глебович также имел гастрит, гипертонию и близорукость. Когда встал вопрос, где учиться дальше, Борис Глебович вдруг взбунтовался и сказал, что пойдет в геологоразведочный институт. Видя такую решимость, мама и бабушка стали плакать. Говорили, что в первой же экспедиции с ним что-нибудь произойдет, и они этого не переживут.

Еще и документы не были сданы в институт, а все домочадцы уже активно пили лечебные капли, глотали таблетки и демонстративно хватались за сердце. Бунт был подавлен непротивлением. На семейном совете было решено — мединститут...

Потом учеба, женитьба, дети, работа... И маленькие дозволенные радости: шахматы, собрание книг, грампластинок...

Борис Глебович жил и работал как часы. Не в том смысле, что размеренно, последовательно и надежно. Нет. Может быть, надо было бы сказать: «как часы и по часам». Давным-давно, возможно и до его рождения, чья-то рука эти часы — его часы — завела, и он должен был выполнять кем-то заданные функции до конца своей жизни, пока завод не кончится. Бывало, правда, очень редко, часы ломались, падали со стола, тумбочки или бились о стену. Но меняли стекло, стрелки, шестеренки и валики, и часы снова отстукивали: «Делай так! Делай так! Делай так!..»

После этих поломок Борис Глебович был всегда виноват. Он просил прощения у жены или у мамы. Он всегда был виноват: перед мамой — за то, что выбрал не ту жену, перед женой — за то, что был маменькиным сыночком, не имел своего мнения и вообще был «непробивным».

Подрастали дети. Они все это видели, слышали и, может быть, в глубине души любили его, но не уважали. Дело свое он не любил, а скорее, относился к нему, как к необходимости. Но выполнял работу всегда добросовестно — ведь это касалось здоровья и жизни людей.

А часы, когда-то и кем-то заведенные, при этом шли. Но завод кончался, пружина слабела и почти всю энергию отдала. Пружину этих часов ему кто-то завел, а вот внутри него с годами стала сжиматься совсем другая, и у нее была совсем иная функция — в определенный момент эта пружина должна была резко распрямиться или лопнуть. И жизнь Бориса Глебовича должна была в тот же момент резко измениться или... закончиться.

«Надо же, — все думал Борис Глебович, пытаясь уснуть, — у человека была счастливая жизнь! Четырнадцать лет! Пусть он года три ничего не понимал, но все равно остается — одиннадцать! Интересно, а как он жил дальше? Наверное, так же, как и я. С виду «простой инженер». Мы даже внешне похожи».

И действительно, эти два человека были похожи: худощавые, высокого роста, сутуловатые, одеты добротно, но неброско. Такими мужчинами могли бы увлечься женщины, если бы не меланхолия и отсутствие интереса к жизни, что было видно и по их взгляду, и даже по походке.

И еще раз позавидовал Борис Глебович своему больному — мог же он хоть изредка наведываться в свою деревню. А вот он, считай, жил безвыездно в городе: сначала детей не с кем было оставить, потом постоянно мама болела... Сейчас придумала жена дачей заниматься. Хотя какая дача без автомобиля — сплошная мука: электричка, толчея, ругань, запах пота...

Борис Глебович принципиально не принимал снотворное — мозги должны питаться кислородом — никакой химии! Если не выспишься сегодня — выспишься завтра.

Ага, светает — апрель, весна. Положено радоваться. Говорят, что в это время люди влюбляются. Однако ему не хотелось ничего.

Утром, за завтраком, к большому своему неудовольствию Борис Глебович ощутил, что у него разболелась голова. Чай в бокале долго не стыл, и возникло желание грохнуть бокал вместе с чаем о стену. Но часы, что были внутри, тикнули: «Не делай так!»

На работе с утра две операции, а потом прием больных, тех, кому не избежать операционного стола.

Операции были несложные, но после них усталость навалилась на Бориса Глебовича тяжелой и изнуряющей ношей, от которой никуда не деться.

В третьем часу дня пришел Глеб Николаевич.

— Придется вскрывать черепную коробку, — сразу «обрадовал» его Борис Глебович.

Глеб Николаевич испугался. Будто услышал смертный приговор, неожиданный и несправедливый. И даже не знал, что сказать. Он стал мельче и незначительнее, его уже совсем как будто не было ни в этом кабинете, ни в городе, нигде — он ушел в себя, в свои страхи и переживания...

— Да вы не волнуйтесь так! Операция несложная, уснете, через час проснетесь — и как будто ничего не было, — пытался успокоить больного Борис Глебович, хотя видел, что это едва ли ему по силам. Но надо же было что-то сказать, приободрить больного, в этом был его врачебный и человеческий долг.

— А без операции никак нельзя? Может, консервативное лечение поможет? Сейчас ведь всякие дорогие лекарства есть, процедуры разные. Пусть дорого — я заплачу, — все искал лазейки испуганный Глеб Николаевич. — Очень мне не хочется эту операцию делать — я боюсь! Ну ладно живот разрезать, но чтобы в голову залезть? Это, простите за каламбур, в голову не укладывается.

Глеб Николаевич понемногу приходил в себя — ведь от операции он мог и отказаться. Жил же он как-то и без операции, таблетки глотал...

— Вы будете сильнее и сильнее страдать, и неизвестно, чем все это закончится.

— Что — смерть? Сойду с ума?

— Давайте так! Я вам таблетки дам, вы успокоитесь... подумаете. Еще раз говорю: операция несложная, если проводить аналогию с животом, как вы тут выразились, это все равно, что аппендицит вырезать.

А еще подумал Борис Глебович: «Что же ты так волнуешься? Ведь у тебя было четырнадцать лет счастливой жизни! Можно и умереть!» И из любопытства, и чтобы как-то перевести разговор, спросил у Глеба Николаевича:

— А вы часто бываете в родном селе? И, кстати, где оно находится?

Глеб Николаевич назвал район области, село и ответил:

— Нет, к сожалению, нечасто. Но бываю. Там многое изменилось. Сами знаете, либеральные реформы не пошли на пользу — исчезают села. В моем, считай, одни старики остались.

Прудов уже нет — не нужны стали. И мельницу разрушили. Через озера зачем-то направили воды реки. Озера вроде и остались, а что-то уж не то. Нет первозданности, природной тайны. Но все равно я там отдыхаю душой. Приеду летом, на берегу реки лягу на спину и долго-долго смотрю в небо. Так долго смотрю, что уж ни о чем и думать не могу. Или, извините за откровенность, плачу, но это нечасто.

— Вот и чудесно! Что же вы с головной болью будете на родину приезжать? Завтра у меня «окно» — больному операцию перенесли — решайтесь, приходите, сделаем вам операцию — анализы у вас в порядке. Я вам гарантирую — жить будете!

— Хорошо, я подумаю. Спасибо вам огромное, доктор!

И снова разошлись по домам Борис Глебович и Глеб Николаевич.

Борис Глебович пришел домой в самом что ни на есть плохом расположении духа. По заведенному в его семье правилу он это плохое настроение должен был маскировать: «Все хорошо! Ничего не случилось. Было много работы».

И все!

Жена и дети были всегда удовлетворены такими разъяснениями плохо выглядевшего отца и мужа. Жена отсылала его либо в магазин, либо погулять с соба-

кой. Но собака давно умерла, дети жили отдельно, а жена даже не вышла сегодня встретить его с работы. Потребность в маскировке отпала.

Прошлая ночь была без сна, разболелась голова — непорядок! Так НЕЛЬЗЯ! Сегодня надо лечь пораньше и выспаться хорошенько. И выбросить из больной, к сожалению, головы всю ерунду: «четырнадцать счастливых лет», «моя несчастная жизнь» и тому подобное... Большинство людей живут так же, как и он, и не задумываются. Или задумываются? «Ну, вот! Снова началось», — подумал Борис Глебович.

Что дальше? «Вкусный ужин»: слипшиеся макароны и сосиска. Развлечения — для чего живем! — футбол: наши опять проиграли. И скорее на диван и в сон! От этих макарон, футболистов, кандидатов в депутаты и прочее и прочее... Все! Спать!

Снотворное Борис Глебович не принимал. Принципиально и осознанно. У него были правила, и он строго следовал им. Часть правил для себя он установил сам, часть ему кто-то навязал или, обманув, исподтишка подсунил. Но все эти правила стали своими, и их необходимо было соблюдать. Борис Глебович знал, что из правил есть исключения. Однако это знание он из своей головы деликатно выталкивал. Основой основ всех правил было слово «нельзя». НЕЛЬЗЯ принимать снотворное, нельзя перечесть маме, жене; нельзя было пропускать уроки музыки «печальной», нельзя было получать «тройки» — о «двойках» и речи быть не могло.

Нельзя, нельзя, нельзя!..

«Ты дал сегодня хорошие успокаивающие таблетки больному — так выпей их и сам», — говорили голоса внутри Бориса Глебовича.

Нет, не поддался, хотя порыв был.

Борис Глебович спал нехорошо, урывками, часто просыпался, видя какие-то страшные и странные сны, а потом долго не мог заснуть...

...Он вскрыл черепную коробку Глеба Николаевича. Обычная черепная коробка, но по мере того, как он снимал ее с головы больного, она стала увеличиваться в размерах, и вот ему уже рук не хватало, чтобы удержать ее. А сам обнаженный мозг больного вдруг вырос до чудовищных размеров, и вместо мозга Борис Глебович увидел речку с тремя прудами, старую мельницу, лес за рекой и три озера. В двух озерах плескалась рыба, а над третьим озером летала большая черная птица. Она стала подниматься выше и выше и, долетев до Бориса Глебовича, сказала ему человеческим голосом:

— Пора вставать! Опаздывать на работу НЕЛЬЗЯ!

Борис Глебович попытался отогнать от себя говорящую птицу. И она, испугавшись его окрика, стала быстро удаляться и уменьшаться в размерах. И вот уже стала маленькой, как муха. Борис Глебович в детстве искусно ловил мух на лету, а зажав в кулаке насекомое, неотмашь бросал муху об пол. Так сейчас он поступил и с птицей. Маленькая черная птичка ударилась об пол и умерла, подняв вверх лапки. Борис Глебович удовлетворенно потер руки и зло сказал:

— И забудь слово НЕЛЬЗЯ!..

...А Глеб Николаевич вернулся домой в неописуемом волнении. Врач его вроде успокоил, и он шел домой, поймав себя на том, что ему нравится весна, и весенний воздух будоражит что-то давно забытое... Но когда он оказался дома, окруженный стенами, потолками, страх и испуг вернулись. Болезненное его воображение рисовало страшные сцены предстоящей операции.

Большими зубилами (такими орудут слесаря, выполняющие механический ремонт промышленного оборудования) врачи в белых резиновых перчатках — по ним стекала красная густая кровь — с остервенением долбили ему череп.

Врачи стояли вокруг него, и некоторым не хватало места, чтобы подойти и хоть разок ткнуть по его голове. Они были похожи на дятлов. Наконец, врачи сорвали кости черепа и... ушли спокойно куда-то по своим делам... А Глеб Николаевич остался сидеть один в большой пустой комнате, без верхних костей черепа, с обнаженным мозгом. Он вынужден был тихо и смиренно сидеть на деревянном, крашенном в коричневый цвет табурете. Ни двинуться, ни позвать кого-то он не мог. Двинешься — больно, позовешь — а вдруг придет кто-то и делает еще больше...

Воображение рисовало и другие страшные картины: врачи вскрыли череп, но увидели не мозг, а клубок толстых бело-розовых червей. Они копошились лениво в чаше черепной коробки, недовольные тем, что их потревожили...

Глеб Николаевич подумал, что не уснет этой ночью. Мысли, сомнения, страхи не дадут уснуть. Что же делать? Решиться на операцию или?... При своей трусости и нерешительности Глеб Николаевич все же обладал одним хорошим качеством — в экстремальных ситуациях он мог собраться, на что-то решиться и идти уже до конца. Вот и сейчас, при всех воображаемых ужасах, при всех сомнениях, он где-то там, в глубине своего «я», решил на операцию. И надо было до немыслимого предела разбередить головную боль, чтобы наверняка решиться на операцию. Так Глеб Николаевич поступал, когда болели зубы. Он все откладывал и откладывал визит к стоматологу, а потом решался и начинал намеренно расшатывать и бередить зубы, вызывая этими действиями чудовищную боль, чтобы уж назад пути не было.

И Глеб Николаевич решил выпить водки. Он приготовился к тому, что сейчас будет судорожно и безуспешно сдирать с головы раскаленный обруч — символ невыносимой боли. Питие подействовало, однако совсем иначе: голова стала ясная, перестала болеть и Глебу Николаевичу похорошело.

«Не нужна мне никакая операция!» — вскрикнула мысль, давно сидевшая в засаде.

«Ага, вот доктор дал мне таблетки, чтобы успокоиться и уснуть. Проглочу сразу все три! Для чего же он мне дал сразу три таблетки — операция завтра? Выпью я одну таблетку, а остальные куда? Выпью три таблетки, лягу в постель и буду смотреть в окно на ночное небо. Ночь безоблачная. Звезды. Неповторимый запах весны. Открою окно. Вот так — всю створку. И буду дышать воздухом долгожданной весны — она и в пятьдесят девять долгожданная», — рассуждал Глеб Николаевич, лежа уже в постели...

...На подоконник бесшумно опустилась большая черная птица. Она возникла из ниоткуда, из небытия, и, когда подлетала к окну, казалась полупрозрачной и бестелесной, и была похожа на ту, летавшую над озером. Птица, сев на подоконник, по-хозяйски огляделась, медленно ворочая головой, и взглядом нашла Глеба Николаевича. Глеб Николаевич хотел сейчас же прогнать непрошеную гостью, но руки не двигались, рот не открывался. Птица, взмахнув несколько раз крыльями, подлетела к Глебу Николаевичу, села ему на голову и огромным, темно-серым острым клювом стала долбить ему череп. Она стала и телесной, и осязаемой, даже в большей степени, чем сам Глеб Николаевич.

Страшная боль пронзила Глеба Николаевича. Ему показалось, что зловещая птица долбит не только голову, но его всего. Не только его тело, а все его существо: с его мыслями, чаяниями, надеждами, радостями.

С диким криком Глеб Николаевич проснулся. Было утро. И было открытое окно — одна створка. Птица улетела. Вчера это было утро завтрашнего дня, и вот сейчас оно стало «сегодня». Как никогда болела голова.

«Дойти бы до больницы», — мелькнула мысль у Глеба Николаевича и застряла в лабиринте болевых переходов, изгибов и бугорков воспаленного мозга...

...Всю дорогу до места работы Борису Глебовичу казалось, что он едет не вперед, а назад. Это он почувствовал, когда сел в автобус, а в метро так вообще ехал с зажмуренными глазами — ждал с ужасом, когда их поезд на всей скорости столкнется с поездом, идущим по этой же ветке, но в правильном направлении — прямо вперед. Спросить у пассажиров, почему мы неправильно едем, он не решился, поскольку было видно, что все вокруг спокойны и не озабочены. Значит, едем как надо, по-другому НЕЛЬЗЯ! Когда же Борис Глебович шел пешком от метро до клиники, ему тоже казалось, что он идет назад, несмотря на то что шагал вперед. Иногда он останавливался, смотрел на ногу, когда ее выбрасывал вперед, а все же ощущения движения назад не проходило.

Куда он шел? К своему детству? К рождению, к истокам? Смотрел в прошлое, как в колодец без дна, как в глубь Вселенной, а значит — в никуда...

...В коридоре нейрохирургического отделения, опустив голову, на стуле сидел Глеб Николаевич. Он смотрел перед собой на воображаемую точку в пространстве и обеими руками с двух сторон сжимал голову, словно пробовал на спелость арбуз.

— Что, решились?

— Да! Болит невыносимо!

— Потерпите немного — вас пригласят.

— Хорошо, хорошо... спасибо, доктор!..

Состояние Бориса Глебовича никого из сослуживцев не удивляло, хотя внимательный человек заметил бы, что с Борисом Глебовичем творится что-то неладное. Но все были заняты своими буднично-рабочими делами. И только уборщица Оксана, на несколько секунд оставив без внимания свою швабру — а она срослась с ней за многие годы работы, как Баба-яга с метлой, — с удивлением и едва уловимой тревогой посмотрела вслед Борису Глебовичу, который шел как-то неестественно: медленно и степенно.

Он, скорее, шествовал...

До того, как вскрыть череп Глебу Николаевичу, операция шла обычным путем. Но потом, когда уже сняли черепные верхние кости, на какое-то время Борис Глебович задумался, глядя на обнаженные полушария мозга оперируемого. Пауза затянулась. Набравшись смелости, ассистент спросил:

— Что-нибудь не так, Борис Глебович?

Борис Глебович попросил медсестру снять его очки, протереть их и снова надеть. Нагнувшись ближе к обнаженному мозгу больного, он внимательно и долго смотрел на него, потом распрямылся; поворачивая голову, оглядел всех вокруг и произнес фразу, которую могли бы посчитать за шутку, если бы не знали Бориса Глебовича: его сдержанности, немногословия и отсутствия, как все считали, хотя бы скрытого намека на чувство юмора. Борис Глебович удивленно и даже обиженно спросил:

— А где же здесь речка, три пруда и три озера? И где большая черная птица «Нельзя»? Ах, забыл, я же ее вчера прихлопнул как муху!

Хирургические инструменты стали валиться из рук Бориса Глебовича, а он смотрел и смотрел на бело-розовые полушария мозга спящего и видевшего во сне озера, речку и три пруда...

Как в замедленных кадрах фильма, Борис Глебович стал падать на пол: сначала подкосились колени, потом завалилась набок голова. Его вовремя подхватили, не дали упасть.

...Глеб Николаевич проснулся в просторной, светлой палате. С улицы, через стекла окон, проникал яркий солнечный свет теплого апрельского дня. Глеб Нико-

лаевич видел все вокруг, но еще ни о чем не думал, какое-то время работали только зрительные рецепторы. Постепенно, не сразу, начались мыслительные процессы более сложного уровня: Глеб Николаевич понял, где он находится, вспомнил то, что было до сна и пробуждения, и попытался почувствовать, а что же с головой? Голова болела, но не так, как прежде, — это была боль наружная, несерьезная, не то, что раньше — внутренняя, глубинная боль, доводящая до безысходности, разрывающая мозг и душу.

Пришел доктор, но не Борис Глебович, а другой, и сказал, что операция прошла хорошо — а по-другому и быть не могло «в нашей клинике» — и дал врачебные рекомендации.

Через несколько дней Глеб Николаевич спросил того же доктора при очередном обходе, где Борис Глебович и как бы его отблагодарить. Оказалось, Борис Глебович пока нездоров. После ухода доктора сосед по палате, уже почти выздоровевший больной, несмотря на то что его никто не спрашивал, доложил Глебу Николаевичу:

— Ваш Борис Глебович «с катушек слетел».

Выражение про «катушку» было так неожиданно, что Глеб Николаевич смутился и не сразу понял расхожее выражение:

— Как это?

— «Шарики за ролики заехали», — еще мудренее выразился выздоравливающий.

— Вы это серьезно? — наконец понял, в чем дело, Глеб Николаевич.

— Серьезнее некуда. Двумя этажами выше в психиатрическом отделении лежит, — отчеканил сосед по палате, делая ударение на слова «серьезнее» и «психиатрическом», и демонстративно повернулся спиной к собеседнику.

У Бориса Глебовича во время операции случился ишемический инсульт и помутнение сознания. Но всего этого Глеб Николаевич, конечно, не знал, да и не мог знать. Ведь во время операции он спал и видел совсем другие сны.

И когда его выписали из больницы, он первым делом пошел к Борису Глебовичу. Медсестра психоневрологического отделения предупредила его:

— Только не говорите ему слово «нельзя». Он свою жену за это слово выгнал из палаты да еще и бросил в нее огурцом. Смешно и грустно — интеллигентные люди.

— Попал?.. Я говорю, огурцом в жену попал?

Медсестра пожалала плечами, подозрительно посмотрела на Глеба Николаевича — так могут смотреть только работники от психиатрии — и с прямой спиной удалилась.

Борис Глебович внешне был в добром здравии и выглядел вполне нормально. Его не выписывали — боялись рецидива. Оба — бывший доктор и бывший больной — вышли в больничный коридор. Они подошли к окну. В больничном сквере деревья стали выпускать светло-зеленые листочки. Весна вступала в решающую стадию и плавно переходила в лето. Сбивчиво, не находя нужных и правильных слов, Глеб Николаевич поблагодарил Бориса Глебовича «за все», на что получил ответ, мол, собственно, «не за что» и еще получил предложение перейти на «ты».

— Знаешь, Глеб, а я все же убил черную птицу. Ну ту, что над вашим таинственным озером летала. Я ее прихлопнул как муху. Во сне, правда. Но тем не менее.

— И правильно сделал! Не поверишь — она мне перед операцией чуть весь мозг не выклевала. Но мне ее прибить не удалось — улетела. Тоже сон был такой. Улетела, а перо оставила. Я, когда проснулся, увидел — оно на полу около окна лежало. Может, ветром занесло — окно всю ночь было открыто. Теперь-то я знаю — к тебе она полетела.

— Может быть. А ты знаешь, у меня такое ощущение, что эта черная птица — или темная сила какая-то — меня всю жизнь в клетке держала. И вот прибил я ее

и стал свободен, а что с этой свободой делать — не знаю. Прогнал жену. Грубо — отвратительная сцена получилась — и мне ее теперь жаль. Даже жаль ее за то, что она всерьез думает, что я сумасшедший.

Глеб Николаевич молчал. До него стало доходить, что его «головная боль» перешла к доктору. Доктор принял ее. И эта боль, как клин, сорвала пружину, что сжималась внутри него всю жизнь. Но доктор выстоял! Не сломался! И ему надо теперь жить дальше, и не просто жить, а жить хорошо и здорово.

Высоко в небе летали птицы: голуби, стрижи. Они летали просто так, в свое удовольствие. Прагматичные проворные воробьи стаяй рассыпались по больничному двору рядом со скамейкой, на которой сидела молодая женщина. Она крошила в ладонях булку и бросала крошки перед собой. Воробьи радовались солнцу, теплу и пище. Они звонко и весело щебетали. За всем этим наблюдали два наших героя и улыбались. Неожиданно воробьи стремительно взлетели и рассеялись кто куда. Прилетела черная ворона. Она села как раз посреди крошек и стала крутить головой. У Бориса Глебовича сжались кулаки, но что он мог поделать? То, что произошло дальше, и рассмешило, и прибавило оптимизма нашим героям. У женщины в руках оставалось еще полбулки. И она, не раздумывая, метко бросила ее в ворону.

— Ура! Попала! — захолопал в ладоши Борис Глебович.

Удар булкой был такой силы, что ворона упала на бок, а после с карканьем улетела. Воробьи вернулись на прежнее место.

— У меня просьба к тебе, Глеб Николаевич. На вахте, на первом этаже, сидит Матвеич, худошавый седой старичок в очках. Так вот, сегодня же принеси и отдай ему туфли сорок пятого размера и легкую куртку. Можешь свою старую принести — я потом верну. Просто отдай ему пакет и все — он в курсе.

Глеб Николаевич, конечно, пообещал и сделал все, о чем просил Борис Глебович.

Когда на следующий день утром Глеб Николаевич пришел навестить больного, в отделении был переполох.

— Мне бы к Борису Глебовичу, — обратился к медсестре Глеб Николаевич.

— А вы что, не слышите?! Нету Бориса Глебовича! Он исчез, испарился!

Неподалеку стоял важный человек в белом халате и громким раздраженным голосом отдавал распоряжения: надо сообщить в милицию, связаться с его женой. Что? Его домашний телефон не отвечает? Значит, поезжайте к нему домой.

Глеб Николаевич уже спускался вниз, к выходу. Он все понял. Матвеич сидел за вахтенным столом, и, когда Глеб Николаевич проходил мимо, старик едва заметно ему улыбнулся.

